НИКО ВОРОНЦОВ

ГОСПОДИН АДВОКАТ

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ДЕТЕКТИВ

16+

Нико Воронцов

Господин адвокат

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Воронцов Н.

Господин адвокат / Н. Воронцов — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-532-09591-5

Старух-процентщиц убивали в позапрошлом веке. Теперь убивают старух-самогонщиц. Начинающему адвокату Коле Вострецову волею судьбы пришлось расследовать именно такое преступление. Причем все в поселке подозревают его брата — большого любителя заложить за воротник. По этой причине он и не помнит, что произошло в тот роковой вечер. Но по мере выяснения истины Коля все больше убеждается — за этим вроде бы чисто бытовым убийством кроются события трехлетней давности и... другое преступление. Немного иронии, немного интриги, немного любви, немного старого доброго ретро и одно загадочное преступление. А может и не одно вовсе...

ISBN 978-5-532-09591-5

© Воронцов Н., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Начало 6
Глава первая, день первый 12
Глава вторая, день второй 18
Глава третья, день третий 31
Конец ознакомительного фрагмента. 36

Нико Воронцов
Господин адвокат

Эту книгу я посвящаю моим дорогим землякам-мамчанам, моему любимому родному поселку Мама и всему замечательному и необычайно красивому Мамско-Чуйскому краю.

Это всегда со мной, в моем сердце, в моей душе…

Начало

– Такое ощущение, будто сел в ветхую лодку, оттолкнулся от берега и поплыл навстречу неизвестности.

– Не поняла.

– Ну, это я образно так говорю. Как тебе объяснить?! Вот закончил я университет, получил диплом, поступил на работу в коллегию, стал стажером и … дальше одна только неопределенность.

– Неопределенность?! Скажешь тоже! Все ясно, как белый день. Через год стажировки станешь адвокатом, будешь выигрывать все без исключения дела, прославишься, станешь получать хорошие гонорары… И вообще, чего ты нервничаешь? Ты же всегда мечтал работать на этом поприще и даже в университете все курсовые и диплом писал по этой теме. Так в чем проблема-то?

– Ну, не знаю. А вдруг у меня не будет клиентов, вдруг что-то не получится.

– Все у тебя получится!

– Я в этом не уверен. Все мои однокурсники плывут на пароходах и яхтах, управляемых их родителями, а я сам по себе.

– Не поняла.

– Ну, это я образно так говорю. Вот, к примеру, у Маринки Масловой мать судья. Естественно, она всегда подскажет дочери, на какие доказательства следует обратить внимание в судебном заседании. А у Сашки Петухова отец адвокат. Конечно же, он всегда будет рекомендовать клиентам своего сына. И я уж не буду говорить про других. Вот и выходит, что все они плывут на кораблях, управляемых родителями, а я полагаюсь только на собственные силы.

– Так! Все! Не хочу больше слышать это нытье. Сел в лодку, плыви. Не получается плыть, греби. И не морочь мне голову – я смотрю телевизор.

Татьяна прибавила дистанционкой громкость и с неподдельным интересом стала смотреть свои любимый сериал.

Тоже мне, жена называется!

Нет чтобы успокоить мужа, сказать: «Не волнуйся, милый, все будет хорошо», она говорит: «Не мешай мне смотреть телевизор». Не семья, а сплошное недоразумение.

– Пойду подышу свежим воздухом, – сказал я, надевая куртку.

– Иди, проветрись, а заодно сходи в магазин. У нас молоко и хлеб закончились.

Я спустился вниз, дошел до магазина, кроме хлеба и молока купил пачку сигарет и зажигалку, после чего вернулся к подъезду и здесь остановился.

В темном осеннем небе пронзительно и ярко сверкали звезды.

Эх, если бы можно было по ним читать свою судьбу! Тогда, может, и нервы тратить попусту было бы не надо. Вышел себе на улицу, прочитал по звездам прогноз на ближайший месяц и не волнуйся, живи, как предназначено.

Хотя, и звездам, наверное, тоже не дано знать, что будет, к примеру, в наступающем уже через несколько месяцев следующем, двадцать первом веке.

По мокрому, освещенному веселыми рекламными огнями асфальту с шумом и музыкой летели блестящие машины, а вдоль проезжей части спешили по каким-то своим очень важным делам поздние прохожие.

Не обращая на меня совершенно никакого внимания, с дерева спрыгнул и воровато шмыгнул в подъезд толстый серый кот.

В тусклом свете вечерних окон я внимательно прочитал все надписи на пачке, потом вскрыл ее, вытащил одну сигарету, чиркнул зажигалкой, вдохнул горький дым и закашлялся.

Сказать по правде, я не курю.

Вернее, до этого момента никогда не курил, но часто слышал от других, что в стрессовых ситуациях это помогает и успокаивает. А у меня как раз стрессовая ситуация, вызванная абсолютной неопределенностью будущего.

Хотя, если честно, мне совершенно непонятно, как сигаретный дым может успокоить. По-моему, кроме кашля, он вообще ничего не вызывает.

Я покрутил недокуренную сигарету в руке и собрался было уже кинуть ее в сторону, но увидел, как от толпы прохожих отделилась фигура человека с портфелем в руке, в допотопном кожаном плаще, в фетровой шляпе и направлялась в мою сторону.

– Закурить не найдется? – подойдя ближе и кивнув на сигарету в моей руке, спросил незнакомец.

Я протянул начатую пачку и, щелкнув зажигалкой, зажег огонь.

Старинные, как у Берии, очки на переносице позднего прохожего от газового пламени блеснули нехорошим светом.

Незнакомец раскурил сигарету, жадно затянулся дымом и тут же закашлялся.

– Вообще-то я не курю, – сообщил он. – Просто хотел немного успокоиться. Все говорят, что курение успокаивает. Это ж какие нервы надо иметь, чтобы пережить такое!

Я пожал плечами, всем своим видом давая понять, что мне нет совершенно никакого дела до чужих проблем. Со своими бы разобраться!

Человек прокашлялся, достал клетчатый платок, тщательно протер свои допотопные очки, потом высморкался и спросил:

– Какой это дом?

– Восемьдесят четвертый, – сказал я.

– Десятая квартира в этом подъезде? – снова спросил он.

– В этом, – настороженно ответил я. – А кто вам там нужен? Я живу в десятой квартире.

– Я к Вострецовым, – сообщил он.

– Так я и есть Вострецов, – сказал я.

– Неужели?! – спросил он, после чего поставил на землю портфель и растопырил для объятий руки. – Колька? Племянник? Я же дядька твой троюродный Серафим Иванович Крылатый. Не узнаешь? …Вот елки! Неужели не помнишь троюродного дядьку? – радостно кричал Серафим Крылатый на нашей кухне, ежесекундно пытаясь заключить меня в радостные объятия. – Неужели не помнишь?! Хотя где тебе помнить. Когда в последний раз виделись, ты еще под стол пешком ходил. Только-только говорить научился. Ты меня тогда все дядей Серой звал. А теперь вон какой здоровый вымахал! Как конь!

– Вы пейте чай-то. Давайте еще налью, – суетилась Татьяна. – Где вы остановились? В гостинице?

– Да в гостиницах у вас дорого-то как! Откуда же у нас такие доходы, чтобы в гостиницах селиться? – радостно объявил дядька. – Чай, в родне олигархов-то не имеем. Я, стало быть, у вас перекантуюсь.

– А надолго… – хотела было задать вопрос Татьяна, но Серафим Иванович ее перебил:

– Да, чуть не забыл. Я же подарки вам привез.

Он открыл свой изрядно потертый портфель и достал оттуда пару березовых веников.

– Вот! В бане это самая первая вещь. Да вы только понюхайте, как пахнут. Настоящие березовые, экологически чистые. У вас в городе, поди, таких нема.

– Спасибо, – сказала Татьяна. – Только напрасно вы их в такую даль везли. У нас ведь и бани-то нет.

– Никогда не понимал смысл бани, когда повсюду благоустроенные квартиры с ваннами и горячим душем, – поддакнул я.

– Вот елки! – почесал лоб дядька. – Что же мне, их теперь обратно, что ли, везти? Ведь не выбрасывать же добро!

– Ну что вы! Конечно, выбрасывать их не нужно, – сказала Татьяна. – Я ваши веники на стену повешу и какими-нибудь сухоцветами украшу. Они у меня вместо икебаны будут. Так сказать, на память о родственнике.

Прекрасно понимая всю эту ее суровую иронию, я сердито посмотрел на жену.

– Ну-ну, – недоверчиво сказал Серафим Иванович. Судя по всему, суровой иронии моей жены он так и не понял. – Значит, хозяйке я угодил. Осталось угодить хозяину.

После этих слов Крылатый хитро подмигнул мне и достал из портфеля довольно-таки внушительный пузырь с подозрительно прозрачной жидкостью.

– Что это? – оторопела Татьяна.

– Домашняя самогонка, – радостно сообщил дядька. – У вас в городе, поди, такую не достать. Гляньте, чистая как слеза. Уж поверьте мне, после нее наутро голова болеть не будет.

– Она действительно домашняя? – спросила Татьяна.

– Домашняя, домашняя, – заверил Крылатый. – Сосед на свадьбу своей дочери гнал и меня угостил. А я, видите, вам привез. Не пожалел. У нас ведь в поселке как?! Кто-то самогонку только на продажу гонит. А кто-то производит ее исключительно для домашнего потребления.

– И в чем отличие? – осторожно спросила Татьяна.

– Так для личного-то пользования завсегда вкуснее получается. А на продажу и развести всякой гадостью можно.

– Значит, разница только в этом, – догадалась Татьяна.

– Не только, – назидательно поднял вверх указательный палец дядька. – Еще и в отношении к конечному продукту. Или ты ее из хорошего сырья делаешь, или из бурды какой.

– Я смотрю, у вас в поселке самогоноварение вообще на широкую ногу поставлено, – заметила Татьяна.

– Есть такое дело, – ответил дядька. – Только от ведущих стран в этой отрасли мы все еще заметно отстаем. Вот в Шотландии как? – спросил Крылатый и тут же ответил: – У них там виски, то есть по-нашему самогонку, как и у нас, испокон веку производят. Только у них это традиционным промыслом называют, а у нас административно-наказуемым деянием кличут. Вот и получается, что у них это благородный напиток, а у нас прямое нарушение законодательства. Вот и все дела!

Серафим Иванович посмотрел сквозь запотевшее стекло бутылки и сказал:

– А только как самогонку ни назови, народ ее все равно с большой охотой потреблял и всегда потреблять будет, даже несмотря на то, что от нее, родимой, и многие наши беды проистекают. Ну что, племяша, врежем за встречу по маленькой-то?

– Вообще-то, я не пью, – сказал я.

– Так мы пить-то и не будем. Мы же только попробуем, – разливая самогон в стаканы, сказал он и хотел уже было обидеться: – Ну, ты прямо как неродной. Давай, давай, не томи, поддержи родственника в трудную минуту.

Пришлось повиноваться.

Я поднял стакан, выпил и тут же зажмурился. Мягкая волна ударила меня сначала по лицу, потом по плечам и рукам и вскоре добралась до ног.

Судя по вкусу и крепости, жидкость явно предназначалась исключительно для атомных реакторов.

Когда я открыл глаза, вокруг все плавало и было как-то неестественно ярко.

– О-о-о! Да ты, племяша, до спиртного-то слаб, – пристально глядя мне в глаза, заметил дядька. – Вон как глазки-то сразу повеселели!

– Я же говорил, что не пью, – сказал я, а дядька налил себе еще, дыхнул в сторону, выпил, крякнул и тут же закусил.

– Я же, племяша, раньше тоже, как и ты, не пил, – сказал он. – Что ты! У нас в райкоме это вообще не допускалось. Давно это было. Еще при социализме. А выпивать я совсем недавно начал. Когда сына посадили…

– Ой, какой ужас! – всплеснула руками Татьяна. – А что случилось?

Дядька снова достал платок и высморкался.

– Зарезал мой сынуля по пьянке одну старушку. Хоть бабка и дюже вредная была, а все ж таки человек. Теперь мой Серега в тюрьме сидит, суда ждет. Эх, племяша, давай врежем еще по маленькой. Зальем горе горькое.

Дядька выпил еще, занюхал рукавом, зажмурился, прослезился и застонал.

– Ну, не убивайтесь вы так! – сказала Татьяна. – Дай бог, все будет хорошо.

– Да не верю я в бога, – немного придя в себя, сопя как паровоз, ответил Серафим Иванович. – За это ведь раньше запросто могли из партии выгнать. Так и не научился креститься да по-новому жить. Нас, старых коммунистов, теперь только могила исправит.

Дядька выпил еще и заплетающимся языком сказал:

– В общем, беда меня к вам привела, дети. Завтра пойду для Сереги аблаката искать.

– Вы, наверное, хотели сказать – адвоката? – уточнила Татьяна и, дабы поддержать разговор, спросила: – А разве у вас в поселке нет адвокатской конторы?

– У нас все есть, – слегка заплетающимся уже от хмеля языком ответил дядька. – И суд, и тюрьма, и юридическая тоже консультация имеется. Только я им не верю. В городе-то специалисты получше будут. В общем, пока хорошего аблаката не найду, домой не уеду.

– Может, вам помочь? – спросила Татьяна и тут же похвасталась: – Кстати, у нас Коля как раз в коллегии адвокатов трудится.

– А аблакаты там есть? – хмуро спросил дядька.

– Ну, что за вопрос? Конечно, есть, – ответила Татьяна и тут же ткнула меня локтем в бок: – А ты что молчишь? Отвечай!

– Мне ведь какого попало не надо, – сказал дядька. – Мне нужен хороший и при этом не больно дорогой. Чай, не Рокфеллер. – И обратился ко мне: – А ты, племяша, кем в коллегии-то работаешь?

– Он там стажировку проходит. Через полгода наш Коля сам адвокатом станет, – снова ответила жена и снова ткнула меня локтем в бок. – Ты что, язык проглотил?

– Значится, аблакатом станешь, – задумчиво сказал дядька. – Так, может, мне тебя, племяша, нанять, чтобы ты моего Сережку защищал? А что?! Дешево и сердито! Ну что, поедешь со мной в Лебеданск?

– Конечно поедет, – ответила Татьяна. – Ему как раз клиентуру нарабатывать нужно и в делах практиковаться.

– Значит, договорились, – хлопнул себя по коленям дядька. – Тогда я больше никого искать не буду и завтра поутру пойду билеты покупать. Дорогу, стало быть, оплачу, а в остальном после рассчитаемся. Все-таки родственники.

Серафим Иванович какое-то время о чем-то думал, а потом сказал:

– Только тебе, племяша, так надо моего сына защищать, чтобы его оправдали и из зала суда сразу же отпустили. Понятно? А если будешь плохо защищать, так я с тобой по-родственному же и разберусь. Чай, давно ремня-то не получал. Давай, родной, врежем по последней и на боковую.

Дядька разлил самогонку по стаканам, выпил сам, самым внимательным образом проследил, чтобы я тоже выпил, после чего наполнил стаканы снова и, окончательно охмелев, распростер руки для очередного объятия:

– Коййка! Прррремянник! Как хорошо, что ты на аблаката выучился. И что бы я без тебя делллар?

Утром следующего дня я проснулся с ужасной головной болью.

– Ну ты вчера хорош был! – сказала Татьяна. – Благо, тебе сегодня на работу идти не надо. А то, боюсь, тебя бы с такой, пардон, физией никто там не узнал бы. Вот уж не ожидала от тебя такого! Ну никак я не думала, что интеллигентный человек, начинающий адвокат, может так натрескаться самогонки.

Несмотря на нравоучения, Татьяна принесла и поставила передо мной стакан апельсинового сока, после чего села рядом на кровать.

– Да, кстати, я тут тебе в командировку кое-какие вещи собрала, – сказала она и показала рукой на сумку, стоящую рядом на стуле.

– В какую еще командировку? – спросил я.

– Как это в какую? Ты что, ничего не помнишь? Завтра ты едешь с Серафимом Ивановичем в Лебеданск защищать в суде его сына. Помнишь, ты вчера переживал, что у тебя клиентов не будет. Вот тебе первое дело и первый клиент. А все я! И что бы ты без меня делал?!

– Постой, я не понял. Кого это я буду защищать, и главное, как? Я же еще только стажер.

– Да ладно, – махнула рукой Татьяна. – Лебеданск – это почти деревня. Для них человек с высшим образованием из города как космонавт. И вообще, думаешь, там кто-нибудь будет разбираться, адвокат ты на самом деле или нет? Короче, приедешь, выступишь в суде, всех поразишь своими познаниями в юриспруденции, и дело в шляпе – твоего троюродного братца сразу же отпустят и оправдают.

Я решительно поднялся в постели на локтях и сказал:

– Ты не понимаешь, о чем говоришь. Стажеры не могут осуществлять защиту по уголовным делам. Это же тебе не просто так! Это все очень серьезно!

– Так! Все! Хватит! – оборвала меня супруга. – Не хочу больше слышать это нытье. Завтра ты едешь со своим дядей в Лебеданск и участвуешь в суде.

– Не поеду никуда, – категорически заявил я.

– Вот еще номер! Я уже тебе, между прочим, рубашки погладила. И, кстати, твой дядя уже пошел на вокзал билеты покупать. Да он же смертельно обидится, если ты ему скажешь, что никуда не поедешь. Знаешь, что такое кровная родственная обида?!

– Да что мне его обида?! Тоже мне, родственник выискался! Седьмая вода на киселе. Столько лет ни сном, ни духом, а как беда пришла, сразу же нарисовался.

– Кстати, насчет родственников. У тебя в родне судимых не было? – спросила Татьяна и тут же серьезно добавила: – Не было, так будут! Если конечно, откажешься от поездки в Лебеданск и не отмажешь от тюрьмы своего троюродного братца.

– Нет, это какой-то бред, – схватился я за голову. – И с чего ты взяла, что я смогу его отмазать?

– А что, ты зря пять лет в университете учился? – сказала она. – И вообще! Чего ты нервничаешь? Ты хотя бы попытайся. Вот если не получится, тогда уже совсем другой разговор будет.

Я в бессилии раскинул руки и упал на спину, и тут она сказала такое, от чего мне снова пришлось подскочить на месте, так как все мое существо пришло в трепет и полное негодование.

– Не хотела тебе говорить, но мы с Серафимом Ивановичем сегодня утром на тебя поспорили, – сказала жена.

– Что? – озверел я.

– Да, – без тени смущения подтвердила Татьяна свои слова. – Поспорили на сто рублей. Я загадала, что ты обязательно станешь адвокатом и выиграешь это дело, а Серафим Иванович поспорил об обратном.

– Ну знаете ли! – уже просто задохнулся я от возмущения.

– Чего это ты так нервничаешь? – спросила Татьяна. – Я не поняла. Тебе сумма, что ли, не нравится? Так мы чисто же символически. Ведь не на скачках же, чтобы на тебе деньги делать.

Следующие несколько минут я, как рыба на песке, судорожно глотал воздух.

– Ой, да не бери в голову, – махнула на меня рукой жена. – Мы же в шутку.

– Это ж надо до такого додуматься – ставки делать на живого человека, – полился из меня фонтан красноречия. – Это ж надо так! В сто рублей оценили все, к чему я шел пять долгих лет обучения в университете! Мою карьеру! Мои мечты! Мои тревоги и надежды!

Татьяна все внимательно выслушала и сказала:

– Зря ты так. Между прочим, я всегда в тебя верила.

– Однако возможность своего проигрыша все-таки допускала, если вообще решилась спорить, – сказал я.

– Между прочим, я тебе только добра желаю, – сказала жена.

– Это еще как посмотреть! – назидательно ткнул я указательным пальцем в потолок. – Может быть, мне вовсе не хочется ехать от всех благ цивилизации в эту Тьмутаракань.

– Я же как лучше хотела, – вскрикнула Татьяна и отвернулась к окну – явный признак, что она на меня обиделась.

Я сделал вид, что не заметил обиды, и продолжил бухтение:

– Да и дядька тоже хорош гусь, ничего не скажешь. Как он вообще мог допустить, что я не выиграю дело и не стану адвокатом. Вот уж не ожидал такого от родственника, хоть и от дальнего.

– Я же говорю, все было в шутку, – ледяным голосом и даже не обернувшись ко мне, сказала Татьяна. – Серафим Иванович поспорил так только для того, чтобы не сглазить весь этот проект. Он даже три раза через плечо поплевал и по столу постучал.

– Все равно так нельзя, – сказал я.

Татьяна ничего на это не ответила, и в комнате повисло тягостное молчание.

Нет, ну вы видели это? Она обиделась и не хочет со мной разговаривать. Значит, им на меня спорить можно, а мне теперь даже и слова в свою защиту не скажи. Они все это начали, а в итоге я еще и виноват остался.

– Хорошо, я поеду в Лебеданск, – сказал я.

– Вот только одолжений мне делать не надо. Ладно?! – наконец-то повернулась ко мне супруга и стала буравить меня тяжелым взглядом.

– Я же сказал, что поеду. Что еще от меня нужно? – с тихим негодованием спросил я. – Что ты на меня дуешься?

– С чего ты взял, что я дуюсь? – спросила она и собралась было выйти из комнаты.

– А как же моя работа? – вдогонку спросил я.

– Ничего страшного, – устало сказала она, остановившись у двери. – Позвонишь руководителю своей стажировки и скажешь, что уехал на несколько дней навестить родственников. Мы с Серафимом Ивановичем уже все за тебя продумали.

После этого она вышла.

Нет, ну вы видели это?!

Продумали они! Умные какие! Впрочем, если они так сильно этого хотят, я спорить не буду. Еще неизвестно, на чьей стороне будет правда. Конечно, потребуется некоторое время, чтобы доказать правоту, но уж когда придет мой черед, я выйду вперед и скажу: «Ага! Я же говорил вам, а вы не слушали!»

В общем, несмотря на мое ужасное нежелание, поехать с дядькой в Лебеданск мне все-таки пришлось.

Обо всем, что происходило со мной в этом славном поселке городского типа, я буду давать подробный письменный отчет, и делать это буду не только в связи с тем, что имею страсть к записыванию разного рода историй, но еще и потому, что это мое первое настоящее адвокатское дело.

Итак, я начинаю.

Глава первая, день первый

В первый день моего пребывания в Лебеданске ничего интересного не произошло, может быть, именно по этой самой причине, что приехали мы довольно-таки поздно – в самом конце рабочего дня.

Ехали на перекладных. Сначала на поезде до какой-то тихой станции, потом на автомобиле Серафима Ивановича, который оставлял его на этой самой станции у каких-то своих знакомых.

Надо сказать, всю первую часть пути, которая прошла в плацкартном вагоне, я ехал с камнем на душе. Ожидал увидеть в Лебеданске что-то очень убогое, вроде тех покинутых деревень, которые иногда приходилось наблюдать из окна поезда, и, в общем, был приятно удивлен. Поселок произвел на меня вполне благоприятное впечатление, которое нисколько не портили холодная, туманная погода и мое прескверное настроение.

Все дело в том, что всю вторую часть пути – по гравийной дороге в стареньком автомобиле – у меня с Серафимом Ивановичем случился в общем-то никому не нужный спор: жива Россия или нет, и к концу путешествия я вовсю скрипел зубами и сильно жалел, что согласился поехать с дядькой, поскольку выяснил, что он ужасно твердолоб и к тому же зануда.

– Нешто это Россия? – нудил Серафим Иванович, показывая на выставленные у автозаправок вывески с ценами на бензин. – Или, может, это? – тыкал он в сторону рекламных щитов. – Чупа-чупсы одни только и сникерсы кругом. Вот тебе и вся Россия!

– Разве можно делать выводы только по этим вещам? – спрашивал я.

– А по каким? – с готовностью поспорить спрашивал Серафим Иванович. – Может, по государственному строю или по президенту?

– А президент-то вам чем не угодил? – спрашивал я.

– Как к человеку к нему я никаких претензий не имею. Вполне возможно, что он хороший семьянин и замечательный руководитель, но, насколько я понимаю, разговор у нас идет в основном о понятиях. Вот скажи, разве может исконно русским государством управлять человек с заграничным наименованием должности? Ведь, прости господи, не в Америке живем, чтоб под президентом ходить.

– А кто тогда должен стоять во главе нашего государства? Может быть, император всея Руси? – спрашивал я и тут же выстраивал теорию. – Я вообще считаю, что все, что попадает в нашу страну, автоматически русифицируется.

– Понимаешь, чего городишь? – покрутив пальцем у виска, перебил меня дядька. – Может, и монголо-татары в свое время автоматически русифицировались? А что ж мы тогда Наполеона прогнали? Пусть бы оставался и тоже русифицировался. Это ж надо такое выдумать? – довольно-таки грубо высказался он. – Еще и слова-то какие подбирает!

– Я только хотел сказать, что нашему человеку со времен Петра Первого вбивали в голову, что во всем нужно равняться на Европу, и теперь у россиянина выработался стойкий к этому рефлекс. Теперь ему стоит только показать что-нибудь заграничное, и он тут же примет это как свое, родное. Может быть, именно потому французские и немецкие коммунистические идеи в свое время так и прижились в нашей стране.

– Сам себе же и противоречишь, – возрадовался Серафим Иванович. – Что это за Россия, если она, по-твоему, вся сплошь из заграничной материи скроена?

– А что же мы, по-вашему, должны только по-старославянски разговаривать, чтобы считаться настоящими россиянами? Это же естественно, что мы развиваемся, что-то приобретаем, что-то теряем…

– Вот сами себя то мы и потеряли, – заявил дядька.

– Да никого мы не потеряли, – сказал я. – А скорее, приобрели еще одну отличительную черту характера – особую любовь ко всему иностранному.

– Значит, во всем нужно винить Петра Первого? – язвительно спросил дядька.

– Почему винить? – возмутился я. – И, надо сказать, не он один Россию с Западом равнял.

– А кто еще? Генеральный секретарь коммунистической партии или, может, президент СССР, будь он неладен? – язвительно спросил дядька.

– А хоть бы ту же Софью Палеолог возьмите, – сказал я.

– Кто такая? – подозрительно спросил дядька.

– Жена Ивана Третьего. Та самая, которая из Византии герб в виде орла в Россию привезла.

– Мы университетов не кончали, – вроде как оправдываясь за что-то, сказал дядька. – Нас только хотели на учебу по партийной части отправить, да не успели.

Серафим Иванович насупился и замолчал, а я, воспользовавшись его молчанием, предложил:

– Еще можно киевского князя Владимира вспомнить – того самого, который к православию приучал, или даже, для примера, небезызвестных Рюриковичей еще можно привести.

– Не в тех ты еще летах, чтобы подобные примеры приводить, – разозлился дядька. – Тебе ума набраться еще следовало бы да по России поездить, чтобы понять, чтобы мы ее бесповоротно потеряли. Да мы же на японских машинах катаемся, разговорному английскому в школе учимся и на доллар молимся, а ты говоришь, Россия.

За резкий тон я страшно обиделся на дядьку и решил прекратить бесполезный спор, демонстративно при этом замолчав.

– Нету ее. Нет России. Нет, – даже не заметив моей обиды и для убедительности как бы в поисках чего-то слегка поворачиваясь вокруг себя, твердил дядька, – растеряли мы Россию. Ну, где вот она, по-твоему? Где? Покажи ее мне. Покажи мне Россию!

По приезде в Лебеданск первым делом Серафим Иванович на своем стареньком «Москвиче» повез меня в центр, чтобы показать украшенное помпезной лепниной бывшее некогда райкомом партии двухэтажное здание суда. Оно стояло на единственной площади поселка, где печально смотрел куда-то вдаль памятник Ленину.

По причине окончания рабочего дня здание суда оказалось закрытым.

– Вот, елки, ирония судьбы! – сказал дядька, зло стукнув кулаком в дверь. – Я когда-то здесь работал, умные книги читал, важный ходил, как гусь, меня даже на учебу отправить хотели, да перестройка все испортила. Должность у меня тогда была маленькая, но, как говорится, хорошая. Золотые были времена! Да и прошли они. А теперь, гляди, как все обернулось. Завтра здесь моего сына судить будут.

Мы постояли немного у запертых дверей и поехали устраиваться.

Не смотря на огромное желание Серафима Ивановича поселить меня у себя в доме, я все-таки настоял на том, чтобы меня определили в гостиницу.

– Во-первых, проживать в доме у клиента хорошему адвокату как-то несолидно, и, во-вторых, мне придется очень много работать, готовиться к выступлению в суде, – сказал я.

– Да разве может быть удобно в гостинице-то? – сказал Крылатый. – Поехали к нам. Жена и дочка будут рады. Что ты как неродной?! Истопим баню, поужинаем, выпьем за встречу.

– Ни в коем случае, – запротестовал я, догадавшись, что ужин никак не обойдется без традиционного в Лебеданске горячительного напитка.

Пришлось снова объяснять Серафиму Ивановичу, что подготовиться к судебному заседанию и написать хорошую защитительную речь можно только в полной тишине (хотя на самом деле я даже представления не имел, как эти самые защитительные речи пишутся).

Уж не знаю, каким чудом, но мои аргументы на Крылатого подействовали, и он отвез меня в местную гостиницу, при этом даже предоставив право самостоятельно выбрать себе номер.

Естественно, я выбрал самый лучший номер, который особенно понравился мне именно тем, что в нем имелся крытый зеленым сукном старинный письменный стол у окна с намертво прикрученным к крышке чернильным прибором. Рядом с прибором стоял черный допотопный дисковый телефон. Я тут же снял трубку, выяснил, что он не работает, и положил трубку снова на рычаг.

Потом я ткнул в чернильницу авторучкой и уставился на прицепившуюся к ее острию дохлую муху, после чего уселся в располагавшееся у стола кресло и стал любоваться чудным видом на возвышавшуюся над Лебеданском, окутанную вечерним сумраком гору с лысой вершиной и просекой, ведущей к вершине.

После того как я включил зеленую настольную лампу и принялся вытаскивать из дорожной сумки учебники и справочники по уголовному праву и процессу, Серафим Иванович все понял и бесшумно покинул комнату.

Примерно через полчаса в мой номер постучали.

Я открыл дверь и увидел девушку.

– Вот, – сказала она, протягивая мне через порог что-то завернутое в полотенце. – Мама велела вам передать.

– Что это? – спросил я.

– Пицца с белыми грибами, – ответила она, – берите, а то остынет.

Увидев мое замешательство, девушка объяснила:

– Я младшая дочь Серафима Ивановича и, стало быть, ваша троюродная сестрица. Меня зовут Светлана. А вы правда Сережку в суде защищать будете?

– Да, правда, – ответил я и тут же усовестился.

Как это, интересно, я буду защищать своего подзащитного, если до сего момента даже не удосужился узнать подробности всего произошедшего?

Я взял сверток и пригласил девушку пройти в комнату.

Светлана прошла и села в кресло. Она бесцеремонно взяла со стола учебник уголовного права и заявила:

– Я в следующем году тоже хочу на юридический поступать. Трудно там учиться?

– Кому как, – ответил я и тут же спросил: – Светлана, что вам известно о происшедшем?

– Это про то, как Сережка бабу Галю зарезал, что ли? – спросила она.

Я кивнул головой, взял со стола блокнот и приготовился записывать.

– Да нет, ничего такого я не знаю, – ответила Светлана. – Но думаю, что все подробности может рассказать Оксанка.

– Кто такая Оксанка? – спросил я.

– Сережкина бывшая подружка, – неопределенно махнула рукой Светлана. – Она в тот день с ним была, и мне кажется, что Сережка убийство из-за нее совершил.

– Как это? – насторожился я.

– А так! Оксанка его никогда не любила и всегда сравнивала с Женькой Завадским. Говорила, что Сережка слабохарактерный и вообще ни на что серьезное в жизни не способен. Вот он, наверное, и решил бабу Галю убить, чтобы доказать, что он не такой, как она думает. А на самом деле у Завадского просто родственники крутые. Это они ему помогли в городе бизнес начать. Завадский раньше за Оксанкой бегал, и она на него внимания не обращала, важничала, а потом он уехали и бизнес в городе замутил. Тогда Оксанка поняла, что дурой была, и стала ему назло с Сережкой дружить. А он ее полюбил по-настоящему. И даже на трубе пилорамы признание написал. Знаете, какая она высокая? Хотите посмотреть?

– Кто высокая? На кого нужно посмотреть? – не понял я.

– Да на трубу же, – ответила Светлана и, вскочив с места, стала всматриваться в темное окно, прикрыв от света лицо ладонями. – Ой, темно-то как! – сказала она. – На улице совсем ничего уже не видно. Меня отец убьет, что я так поздно.

В следующее мгновение девушка выскочила в дверь и убежала, а я остался сидеть в номере, печально сознавая, что вся эта история с защитой троюродного братца мне совсем не нравится.

На улице стемнело рано, хотя что в этом особенного? Как то и задумано природой, на дворе осень – время печальных решений, горьких раздумий и неутешительных выводов.

Вот, скажите мне, что я делаю в этом поселке?

Зачем я вообще согласился на эту авантюру с защитой человека, привлекаемого к уголовной ответственности за убийство? Надо было никого не слушать, сидеть дома и никуда не ездить.

Я сложил учебники обратно в сумку, положил паспорт на видное место так, чтобы завтра не забыть его, потом завел дорожный будильник и расстелил постель, но лег не скоро.

С наступлением вечера в номере заметно похолодало. Я попытался растереть застывшие пальцы, потом развернул сверток и обнаружил там чудо российской кулинарии – более похожую на пирог, чем на итальянскую пиццу, румяную ковригу, на которой громоздилась начинка из грибов, соленых огурцов, колбасы и сыра. Я отломил от пирога и всухомятку съел небольшой кусок и, поскольку на меня тут же напала жуткая икота, отправился на поиски чайника или еще чего-нибудь в этом роде.

Забегая вперед, скажу, что благодаря стараниям семейства Крылатых завтраками, обедами и ужинами, доставляемыми прямо в гостиничный номер, я был обеспечен с лихвой.

Но вернемся к нашему повествованию.

Итак, в тот вечер я, подавляя икоту, вышел из номера и по красной с зелеными полосами дорожке пошел по коридору. В конце коридора, перед выходом на улицу в небольшой каморке с застекленным, как в аптеке, окном я увидел дежурную по гостинице, которая пила чай и смотрела маленький допотопный черно-белый телевизор.

– У вас кипятка не найдется? – спросил я.

– Отчего же не найдется? – удивилась женщина. – Конечно, найдется. Вон стоит «тефаль», наливай. А меня зовут тетя Маша.

Я взял со стола электрический чайник и в растерянности замер, соображая, где бы мне теперь раздобыть кружку.

– Ты прямо как неродной, – будто прочитав мои мысли, сказала она. – Бери с полки «Пиквик», чашку, ложку и сахар. Будь как дома.

Я так и сделал. Кинул в кружку пакетик, налил воды, размешал сахар и после нескольких глотков горячего сладкого чая со вкусом клубники немного согрелся, укротил икоту, повеселел и хотел было уже идти в свой номер, но женщина спросила:

– В командировку к нам?

– Да, – ответил я.

– В мэрию или, может, в налоговую с проверкой? – спросила она.

– В суд, – тяжело вздохнув, сообщил я.

Женщина понимающе кивнула.

– Кем работаете-то? – спросила она.

Я задумался. Ну, как ей объяснить, что я всего-навсего стажер адвоката. Да, в общем-то, какая разница!

– Адвокатом, – ответил я.

– Понятно, – сказала тетя Маша. – Они у нас тоже останавливаются. Ох, служба-то у вас особо тяжкая – преступников защищать. Когда моего сыночка привлекали, я ночей не спала,

адвоката нашего просто заколебала. Каждый день к нему бегала, спрашивала, как все будет. Допекла до того, что он от меня потом даже прятаться начал.

– А что сделал ваш сын? – спросил я.

– Да обычное дело – по сто пятьдесят восьмой статье залетел. Это по краже, значится. Зимой дело было. В ларек он залез, благо ничего украсть не успел, его прямо тут же и задержали. Кто-то ненароком увидел и в милицию позвонил. Граждане у нас жуть до чего бдительные!

– Суд уже состоялся? – спросил я.

– А как же! – ответила тетя Маша. – Состоялся. Три года условных моему Сенечке дали. Судья, стерва такая, хотела моего оболтуса по-взаправдашнему посадить. Только адвокат и выручил. С адвокатом нам повезло, – вздохнула она. – Лисицын. Может, слышали? Очень умный, юрудированный и, главное, опытный человек.

Я никогда раньше не слышал слова «юрудированный», но поправлять тетю Машу не стал, а она продолжила:

– Да! В вашем деле главное – опыт. Одни только законы знать совсем недостаточно, надо, как говорится, не один десяток лет повариться в этом котле.

Надо сказать, тетя Маша очень легко переходила с «ты» на «вы».

Она пристально посмотрела на меня и спросила:

– Вот вы, к примеру, сколько дел провели? Много? Опыт у вас большой?

– Достаточный, – пробурчал я, прекрасно сознавая при этом, что у меня нет никакого опыта вообще.

– И все равно, – заявила она, – для того, чтобы дела в суде выигрывать, нужно не только законы знать, но еще и житейские знания иметь. А какой у вас, простите, опыт?! Вы же еще молоденький вон какой! Глазки у вас, конечно, умненькие, голубенькие, но ведь для суда это не имеет совершенно никакого значения.

– Пойду, – твердо сказал я. – Завтра надо пораньше встать.

– Да, да, – понимающе закивала головой тетя Маша. – Ты кружку-то не мой, поставь, я сама вымою. Что мне делать-то? Ночь длинная.

Я хотел было идти, но услышал продолжение и не зная, как поступить и что на это ответить остановился.

– А то потом еще скажешь, что мы не гостеприимные, – сердито пробурчала тетка.

Ну, в общем, это, наверное, и есть чисто российская черта, что сначала тебя сурово так пожурят и даже пристыдят, а потом непременно пожалеют, обогреют и даже накормят.

Я хотел было уйти в свой номер, но тетя Маша меня задержала, спросив:

– А судья-то у вас кто завтра будет?

– Завтра и узнаю, – хмуро улыбнувшись, сказал я.

– Ну, ну, – снова закивала она головой. – Так, наверное, Архипова судить будет.

Я пожал плечами.

– Так и есть, Архипова. Вторая-то в отпуске. Только на следующей неделе выйти должна. А потом будет очередь самой Архиповой в отпуск идти.

Она отхлебнула из своей кружки и сообщила:

– Видите, я со своим оболтусом уже не только статьи законов выучила, но и всех наших судей, прокуроров и адвокатов в лицо знаю.

Я снова собрался было уходить, но тетя Маша меня снова задержала:

– Если у вас судьей Архипова будет, то я вам не завидую. Не юристка она.

– Как это понять? – удивился я. – Разве можно работать судьей, не имея при этом высшего юридического образования?

– Образование у Архиповой, может, и есть, я этого не знаю, не проверяла, – сказала она, – но только не ее это призвание – людей судить. Слишком близко к сердцу принимает она все.

Вот, к примеру, есть люди, которые работают врачами и при этом совершенно не умеют лечить людей, а бывает наоборот: какой-нибудь маляр необразованный в свободное от работы время такие картины пишет, что просто залюбуешься. В любом ведь деле призвание нужно. Вот и в судейском ремесле то же самое. Так что Архипова, я считаю, не по призванию работает. И вообще она стерва! Моего Сеньку так срамила из-за этой кражи, что даже мне совестно стало. Не знала, куда от стыда спрятаться. Как будто мой оболтус не к чужим людям в ларек, а к ней домой залез.

Женщина тяжело вздохнула и добавила:

– Только все одно посадят моего Сеньку когда-нибудь по-настоящему. Непутевый он у меня. Не учится, не работает, а только шляется целыми днями по улицам да глядит, что бы где стырить. И все равно жалко его. Материнское сердце-то завсегда за сыновей разрывается.

Женщина о чем-то горько задумалась, а я, воспользовавшись этим обстоятельством, поспешил в свой номер подальше от тоскливого разговора.

Первая моя ночь в Лебеданске выдалась бессонной.

Я долго крутился на кровати, мучился угрызениями совести и пришел к твердому убеждению, что совершенно напрасно ввязался во всю эту авантюру с защитой своего троюродного брата.

Боже мой! Я ведь даже не имею ни малейшего представления, как следует защищать обвиняемого в убийстве человека.

Заметьте, не в краже, не в мошенничестве каком-нибудь, а в самом настоящем убийстве!

Конечно, я изучал уголовное право в университете по учебникам, читал кодексы и комментарии к ним, но, как известно, теория и практика – вещи различные. Одно дело – знать закон, и совершенно другое – уметь его применять на практике.

Ну, да ладно! Завтра схожу в суд, сделаю все, что от меня зависит, и с чистой совестью и спокойной душой вечером поеду домой.

Глава вторая, день второй

Утром за мной заехал Серафим Иванович.

Я сложил деньги и паспорт в ящик стола и запер его на ключ, потом, морально приготовившись к неминуемо ожидавшим меня неприятным минутам, не спеша собрался: как на парад, надел белую рубашку, галстук, костюм, вышел из гостиницы и сел в автомобиль.

Молча и неумолимо Серафим Иванович повез меня в суд.

Утро выдалось необычайно пасмурным и хмурым.

Крылатый припарковал свой «Кадиллак» возле памятника Ленину и, нахмурив брови, как конвоир на казнь, повел меня в здание суда.

На крыльце толпились и разговаривали о чем-то какие-то люди.

Зачинщицей разговора, судя по всему, была тетка в пуховом платке.

– Кто? Баба Галя-то? – трещала она. – Да она еще не старая была. Только-только на пенсию вышла. Жила бы еще да жила. Чего ей на пенсии не хватало? Еще и самогоночкой в свое удовольствие приторговывала. В общем, средства у нее были, жила в свое удовольствие. Я к ней часто забегала полечиться да поболтать. Пока не случился этот случай. Эх! Такого человека жизни лишили…

– От чего же ты, сердешная, бегала к Мишиной лечиться-то? – с иронией в голосе спросил тетку какой-то мужичок в очках, фуфайке и кирзовых сапогах. – Горло, поди, первачом на пару полоскали.

– Иди ты, – замахала на него руками тетка. – Мишина на самогонке травы настаивала. У нее от варикоза особый рецепт был. В моем случае он завсегда помогал.

– В общем, Мишина особенным талантом была, – сказал мужичок. – Врачом и аптекарем в одном лице. Сама диагнозы ставила, сама рецепты на самогонку выписывала и тут же это самое лекарство и продавала.

– Смейся, смейся, – сказала тетка. – Теперь вот нет Галки, я без лекарства мучаюсь, и к кому за помощью кинуться, прямо ума не приложу. По ночам иной раз такие боли одолевают, что хоть волком вой.

– К врачу в поликлинику не думала сходить? – спросил тетку все тот же мужичок с хитринкой в глазах. – Все ж таки традиционная медицина.

– Иди ты, – снова замахала на него руками тетка. – А Мишина-то, по-твоему, гадалка, что ли, была? Она же перед пенсией в больнице ночной сестрой работала! Так что, заметь, познания в медицине имела!

В этот момент тетка заметила нас с Серафимом Ивановичем, умолкла и, скрестив руки на груди, демонстративно отвернулась.

Все, кто был на крыльце, стали с любопытством и даже с каким-то тихим ужасом рассматривать нас.

– Вот, аблаката из города привез, – негромко сообщил Крылатый, а я после его слов вжал голову в плечи, и вообще испытал некоторое за дядьку неудобство, который не смотря даже на свои годы так и не выучил слово «адвокат».

Однако, вслух я ему ничего не сказал.

– Тут не на адвоката надеяться надо, а на всевышнего, – глядя куда-то в сторону, сухо заметила тетка в платке. – Только он один на всем белом свете прощениями заведует.

– Да не верю я в бога, – тихо и при этом обращаясь почему-то только ко мне, сказал Крылатый.

Судебное заседание началось с опозданием.

Я минут тридцать просидел в пустом зале, наблюдая за тем, как на окне жужжит осенняя муха.

Потом пришли конвоиры с автоматами в руках и привели арестованного Сергея Серафимовича Крылатого. Он выглядел спокойным и заспанным. Усевшись на скамью в похожей на птичью огромной металлической клетке, Сергей принялся зверски зевать.

Надо же! Он, поди, всю ночь спал как сурок, а я за него переживал и нервничал. Как говорится, доверьте свои проблемы адвокату, если, конечно, адвокат или проблемы у вас есть.

Я подошел к клетке и представился:

– Здравствуйте, меня зовут Николай Альбертович Вострецов. Ваш отец пригласил меня для осуществления вашей защиты.

Наверное, при этом надо было сразу же сказать про родство и все такое прочее, но при конвоирах я этого делать не стал.

Арестованный хотел было в очередной раз зевнуть, но передумал и с недоумением уставился на меня.

– Что не так? – спросил я.

– Вы правда мой адвокат? – спросил Сергей Крылатый. – Какой-то молодой. Хотя, все равно…

Договорить он не успел, потому что в этот момент что-то произошло и пустой до этого зал стал заполняться людьми. Они входили в раскрытые двери мимо конвоиров и подсудимого в клетке и шумно садились на установленные в несколько рядов лавки.

Вскоре стремительно в зал зашел государственный обвинитель, сел за один из свободных столов и раскрыл принесенную с собой папку с документами.

О том, что это именно обвинитель, я догадался по его острому взгляду за затемненными очками в массивной черной оправе, по моде шестидесятых годов.

После обвинителя в зал вошел какой-то пожилой мужчина в старом потертом костюме. Он сел за стол напротив стола обвинителя и с интересом уставился на меня.

– Кстати, ты вину-то свою признаешь или нет? – спросил я у Сергея.

– А черт его знает, – пожал он плечами. – Я ведь пьяный был, ничего не помню. Но, наверное, не признаю.

В следующую минуту в зал заскочила какая-то девица и истерично крикнула:

– Встать, суд идет.

Следом за девушкой в зал влетела похожая на хищную птицу судья в черной мантии и села в центральное из трех высоких кресел за длинным массивным столом на возвышении.

– Прошу садиться, – сказала она.

Поскольку все места за столами оказались занятыми, я сел на одну из скамеек, потеснив при этом устроившихся на ней жителей Лебеданска.

Нужно заметить, эти самые жители сидели в теплом помещении в куртках и фуфайках. При этом, многие женщины были укутаны в пуховые платки, и только мужчины благочинно, как на похоронах, сняли шапки и сидели теперь с непокрытыми головами.

Вскоре стало просто-таки жарко, но мои соседи даже и не думали расстегиваться или даже снимать верхнюю одежду.

Та самая тетка в пуховом платке, которая встретила нас на крыльце, видимо, разомлев от жары, принялась надрывно кашлять.

Надо сказать, я никогда не понимал, зачем простуженные люди ходят, к примеру, в театры.

От их чахоточного кашля балерины в балете испуганно вздрагивают, лошади в цирке перестают слушаться кнута дрессировщика, от их оглушительного чихания актеры на сцене забывают текст, и я уж не буду вам рассказывать про адвокатов, особенно начинающих, которым приходится выступать в суде с защитительной речью.

Граждане дорогие! Если у вас кашель, будьте добры сидите дома и не мешайте людям наслаждаться представлением.

Итак, судья открыла объемную подшивку бумаг в серой картонной папке и сообщила:

– Рассматривается уголовное дело по обвинению Крылатого Сергея Серафимовича в совершении преступления, предусмотренного частью первой статьи сто пятой Уголовного кодекса Российской Федерации. Прошу секретаря судебного заседания доложить о явке.

Из-за столика в углу поднялась все та же истеричная девушка и сообщила:

– Явка полная.

С чувством исполненного долга она села на свое место и принялась что-то старательно писать.

Судья, словно сонный священник, продолжила говорить заученные в бесчисленных процессах стандартные фразы:

– Устанавливается личность подсудимого. Подсудимый, встаньте. Сообщите суду данные о себе.

– Крылатый Сергей Серафимович, двенадцатого апреля тысяча девятьсот восемьдесят пятого года рождения. Русский, холост, уроженец Лебеданска, проживаю по адресу: Лебеданск, улица Победы, дом три, образование среднее, временно не работаю.

– Военнообязанный? – спросила судья.

– Не успел, – ответил Крылатый.

– Отлично, – сказала судья и спросила: – Подсудимый, вы копию обвинительного заключения получили?

– Получил две недели назад, – сообщил подсудимый.

– Прекрасно, – снова сказала судья. – Дело слушается Лебеданским районным судом в составе председательствующего судьи Архиповой, при секретаре Кузнецовой, обвинение поддерживает прокурор Мартынов, защиту осуществляет назначенный судом адвокат Лисицын.

– Позвольте, – заявил Серафим Иванович Крылатый. – Но моего сына должен защищать совершенно другой аблакат.

Крылатый поднялся со своего места и показал на меня пальцем так, словно уличал в чем-то нехорошем.

Все находящиеся в зале, и в том числе судья, с интересом уставились на мою скромную персону, и мне окончательно стало не по себе.

Словно ожидая удара, я втянул голову в плечи.

Судья перевела свой колючий взгляд снова на Серафима Ивановича и удивленно спросила:

– Вы наняли защитника? Что же, попрошу господина адвоката подтвердить свои полномочия.

Вот оно! Начинается! Те самые неминуемо ожидаемые меня несколько минут позора.

И зачем только я послушался свою законную супругу и поехал в этот самый Лебеданск?

Я в растерянности встал со своего места и изобразил возвышенно задумчивое выражение лица.

Почему-то в этот момент мне подумалось о том, что именно с таким вот задумчивым выражением лица размышлял о судьбе страны известный писатель Николай Васильевич Гоголь.

По-моему, это был блестящий ход, который вполне мог бы скрыть глупость ситуации и тот внутренний ступор, который вдруг охватил все мое сознание.

Нужно заметить, что зал не оценил моей игры и стал гудеть каким-то тихим взволнованным рокотом, который, словно летящий с горы камень, нарастал и вскоре стал колоться на мелкие одиночные смешки. Ко всему прочему, тетка в пуховом платке зашлась очередным приступом кашля.

Мои уши горели пунцовым пламенем.

– Ну, что молчим? – устало спросила судья. – Господин аблакат, так, по-моему, называет вас ваш клиент Крылатый, для начала сообщите суду вашу фамилию, имя, отчество.

– Николай Альбертович Вострецов, – безнадежно сказал я.

– Хорошо, очень хорошо, – сказала судья. – Как давно работаете адвокатом?

Я, как школьник на экзамене, выжидательно промолчал.

– Отлично! – сказала судья. – Начнем с самого начала. У вас диплом о высшем образовании имеется?

– Естественно, – с жаром и даже некоторой долей обиды в голосе ответил я.

Неужели она могла подумать, что у меня нет высшего образования!

– Продолжаем, – сказала судья. – Квалификационный экзамен давно сдали?

– Нет, – печально ответил я. – Я его еще не сдал, потому что совсем недавно стал стажером.

После моих слов судья долго ничего не спрашивала, а только с каким-то усталым удивлением смотрела на меня.

Такое ощущение, будто она никогда в жизни не видела настоящих стажеров адвоката.

– Значит, желаете осуществлять защиту подсудимого, – наконец сказала судья и тут же спросила: – Тогда скажите, вы когда-нибудь вообще Уголовно-процессуальный кодекс читали?

Ожидая явного подвоха, я снова ничего не ответил, хотя кодекс, естественно, неоднократно читал и самым внимательным образом изучал.

Не зная, как поступить в этой ситуации, я беспомощно оглянулся на Серафима Ивановича Крылатого.

Тот сидел на скамье возле окна, закинув ногу на ногу, опираясь при этом одной рукой на подоконник и прикрыв ладонью другой руки глаза и лоб. Он, казалось, совершенно не обращал никакого внимания на то, что происходит в данный момент в зале судебного заседания.

«Уснул он там, что ли? – зло подумал я. – Тоже мне, нашел время спать!»

В поисках поддержки и защиты я уставился на подсудимого.

Сын Серафима Ивановича, в отличие от своего отца, спать даже и не думал. Его утренняя сонливость и зевота бесследно исчезли, и теперь он, открыв рот, с большим интересом следил за развивающимися в зале событиями.

– Если бы вы читали Уголовно-процессуальный кодекс, то наверняка знали бы, что защиту по уголовному делу могут осуществлять только адвокаты, то есть лица, сдавшие квалификационный экзамен и состоящие в соответствующем реестре адвокатов, – продолжила измываться надо мной судья. – Вам что, закон не писан?

– Писан, – тихо ответил я.

– Если писан, тогда, может быть, он вами не читан? – с издевкой в голосе спросила судья.

– Читан, – тихо ответил я.

– А если читан, значит, не понят, – сказала она.

– Понят, – настырно сказал я.

– А если, как вы говорите, понят, то определенно не так, – припечатала она и даже ладонью хлопнула по столу.

Я огрызаться с судьей не стал и принялся думать только об одном – поскорее бы она уже закончила меня мучить и отпустила на все четыре стороны.

– Хорошо. Раз вы так этого желаете, я допущу вас к участию в деле в качестве защитника, – наконец-то сообщила она. – Объявляется перерыв на полчаса.

Судья, словно хищная птица, схватила со стола уголовное дело и, зашелестев мантией, тут же покинула зал судебного заседания.

Я остолбенел.

Что происходит?

Может быть, судья решила сделать из меня исключение из общего правила и нарушить таким образом закон?

Следом за судьей зал покинули секретарь судебного заседания и обвинитель, после чего один из конвоиров потребовал:

– Прошу освободить помещение.

Присутствующие в зале жители Лебеданска поднялись со своих мест и стали медленно просачиваться к выходу.

Один только адвокат как ни в чем не бывало остался сидеть на своем месте. Он просто сидел и хитренько так улыбался.

Вот бывает же так, что вроде бы человек ничего такого не делает, а вас это жутко раздражает.

Это был как раз тот самый вариант!

Серафим Иванович, видимо, наконец, очнулся от своей зимней спячки, встал со своего места и вместе со всеми пошел к выходу.

Проходя мимо клетки, в которой сидел его сын, он басовитым, как у священника, голосом сказал:

– Ничего, ничего, сынок. Все будет хорошо. Будет и на нашей улице праздник.

– С арестованным разговаривать не положено, – тут же сердито перебил его конвоир.

Дядька как-то отстраненно поспешно кивнул ему и, направляясь к двери, неожиданно для самого себя наткнулся на меня, тут же опешил и уже другим, безнадежно смиренным голосом произнес:

– Ничего, ничего. Будет и на нашей улице праздник.

После этого он, как только что отслуживший службу священник, смотря только себе под ноги, покинул помещение.

Я стоял посреди зала и не знал, что мне делать: уйти, как это сделали все, или по примеру адвоката остаться.

В этот момент в дверном проеме нарисовалась секретарша и, обратившись ко мне, визгливым голосом крикнула:

– Вострецов, вас для серьезного разговора вызывает судья.

Я вздрогнул.

Это ж какой надо иметь такой противный голос. С его помощью даже такая замечательная фамилия, как у меня, звучит как-то особенно неприятно.

– Почему вы не читаете закон? – привстав с места и для пущей убедительности снова хлопнув ладонью по столу, грозно спросила меня судья в своем кабинете.

Ну вот, начинается! Она что, пригласила меня только для того, чтобы выяснить этот вопрос? Ей что, не хватило счастья поиздеваться надо мной при людях?

– Если бы вы читали кодекс, то наверняка знали бы, что наряду с адвокатами в качестве защитника может быть допущено иное лицо, о котором ходатайствует обвиняемый. Вы этого не знали?

Она еще раз испепеляюще посмотрела на меня и почему-то обиженным голосом сказала:

– Идите и готовьте соответствующее ходатайство.

Решив, что разговор окончен, я направился к двери.

– И учтите, я больше не потерплю никаких фокусов, – вдогонку сообщила она. – В самое ближайшее время я намерена закончить это уголовное дело производством и вынести приговор. Всякие там ваши адвокатские уловки о переносе дела, как и ходатайства о назначении экспертиз будут мною сразу же отклонены. Вам это понятно?

– Понятно, – сказал я и вышел.

– Что она сказала? – с улыбочкой Иуды спросил меня адвокат Лисицын, когда я вернулся в зал.

– Сказала, что допускает меня в качестве защитника, – сообщил я.

Улыбка с его лица мигом сошла, и он стал убирать со стула, располагавшегося рядом с ним, свои вещи.

– Ладно, в тесноте, да не в обиде, – сказал Лисицын, и я тут же сел на освободившийся стул.

– Будем знакомы, меня зовут Иван Петрович, – сообщил адвокат и протянул руку для рукопожатия.

Я тоже представился.

– Дурак, – вдруг со злостью сказал Иван Петрович. – Ему вину надо признавать, а он в отказняк играет. Сказал бы – да, это я убил Мишину, чистосердечно раскаиваюсь. За такое признание срок меньше назначают. Признавай вину, – громко обратился он к сидящему в клетке Сергею Крылатому. – Тебе это при вынесении приговора непременно зачтется.

Крылатый на это ничего не ответил, а только хмыкнул и отвернулся.

– Как хочешь, – сказал Лисицын. – Мое дело посоветовать, как лучше, а выбор делать одному только тебе.

Вскоре в зал снова стали просачиваться люди.

Среди прочих с совершенно равнодушным взглядом вошел Серафим Иванович и, увидев меня рядом с адвокатом, в нерешительности остановился, после чего прошел на свое место, сел и стал с опаской поглядывать на меня из толпы.

Через минуту в зал влетели обвинитель, секретарь, а следом за ними судья.

– Продолжаем судебное заседание. Вы подготовили ходатайство? – спросила меня судья.

– Да, – хриплым голосом ответил я.

Эх, знать бы еще, как эти ходатайства готовят!

– Отлично, – сказала судья. – Заявляйте.

Я встал со своего места и стал рассматривать лампы на потолке.

– Прошу допустить меня к участию в деле, – зашептал мне адвокат Лисицын.

Я, как школьник, услышавший спасительную подсказку, все повторил.

– Прекрасно, формальности соблюдены, – констатировала судья. – Подсудимый, встаньте. Вы настаиваете на том, чтобы в качестве вашего защитника в процесс был допущен Вострецов Николай Альбертович? – спросила она.

Сергей Крылатый встал, почесал затылок, пожал плечами и протянул:

– Да мне все равно.

– Подсудимый не против, – сказала судья и снова обратилась ко мне: – Суд определил допустить вас к участию в деле в качестве защитника Крылатого Сергея Серафимовича. Разъясняется право отвода. Лица, участвующие в деле, имеют право заявить отвод судье, секретарю, прокурору, если считают, что они прямо или косвенно заинтересованы в исходе дела, также они могут заявить отвод по иным основаниям, предусмотренным законом. Право понятно? Отводы к составу суда имеются?

Все отрицательно замотали головами.

После этого судья разъяснила другие права и обязанности и спросила:

– Имеются ли у участников до начала судебного следствия какие-либо заявления и ходатайства?

Все снова отрицательно замотали головами.

– Так то у нас протокол ведется, – непонятно с чего вдруг разозлилась судья. – На вопросы суда прошу отвечать словами.

И все тут же поспешили сообщить, что заявлений и ходатайств до начала судебного следствия не имеют.

– Что ж, прошу прокурора изложить суть обвинения, – сказала судья и поудобнее устроилась в кресле.

Прокурор встал, прокашлялся, поправил свои массивные очки и официальным голосом начал читать:

– Настоящее уголовное дело возбуждено по факту обнаружения девятого мая этого года по адресу: Лебеданск, улица Профосюзная, дом одиннадцать трупа гражданки Мишиной Галины Васильевны с признаками насильственной смерти. Предварительным следствием установлено следующее: пенсионерка Мишина проживала одна, близких родственников не имела и у себя дома занималась изготовлением крепких спиртных напитков домашней выработки типа «самогон», которые реализовывала населению.

Девятого мая сего года в вечернее время, около двадцати одного часа, к ней пришел Крылатый С.С. и попросил продать ему спиртное в долг, на что Мишина ответила категорическим отказом и оскорбила его. Крылатый ушел, но примерно через десять минут вернулся, путем свободного доступа проник в дом и, находясь на кухне, нанес ножом удар Мишиной в грудь, который оказался смертельным, после чего взял со стола бутылку самогона и с места преступления скрылся…

– Дело гнусное, – прошептал мне Иван Петрович Лисицын, – все доказательства против него.

– …данные обстоятельства подтверждаются свидетельскими показаниями…

– Я ему сразу говорил, зря ты от признательных показаний отказываешься, а он мне – ничего не помню, пьяный был, – снова зашептал мне Лисицын. – Его ведь задержали по горячим следам.

– …из заключения судебно-биологической следует, что следы крови на одежде Крылатого, а также на бутылке из-под самогона принадлежат группе, соответствующей группе крови потерпевшей Мишиной…

– Можно было, конечно, попытаться на аффект перейти, – шептал мне, мешая слушать прокурора, адвокат Лисицын, – как будто Мишина его оскорбила, а он не выдержал и зарезал ее. Только вот куда денешь юридически значимый разрыв во времени? Он же ушел, а потом через десять минут вернулся. Аффекта при таких обстоятельствах быть не может.

– …своими действиями Крылатый Сергей Серафимович совершил преступление, предусмотренное статьей сто пятой, частью первой Уголовного кодекса, то есть убийство, или, другими словами, умышленное причинение смерти другому человеку.

Прокурор закончил читать обвинительное заключение и сел на свое место.

После его выступления в зале воцарилась мертвая тишина. Все притихли, и даже тетка в пуховом платке перестала кашлять, зажав рот рукой.

– Подсудимый, встаньте, – приказала судья. – Вам предъявленное обвинение понятно?

– Да.

– Вину в содеянном признаете?

– Нет.

– Ой, дурак! – еле слышно, одними губами, прошептал Лисицын.

– Марина, все подробно записывай в протокол, – обратилась судья к секретарше.

В этот момент со своего места поднялся прокурор и, поправив очки, язвительно заметил:

– Прошу обратить внимание на то, что на следствии Крылатый вину в содеянном признавал в полном объеме.

– Подсудимый, встаньте, – приказала судья. – Как вы объясните этот факт?

Крылатый поднялся со своего места, но отвечать ничего не стал.

– Скажите, может быть, вас били, заставляли признаться в содеянном? – ехидно спросил прокурор.

– Нет. Никто меня не бил, – наконец-то сказал Крылатый.

– Ну а как вы все-таки объясните факт дачи вами следователю признательных показаний? – спросил прокурор.

Крылатый снова не ответил.

– Ладно, разберемся, – коротко ответила судья, кивнула прокурору и сообщила: – Изучается вопрос о порядке исследования доказательств. Какие будут предложения?

Прокурор снова встал со своего места и недоуменно развел руками:

– Ну, поскольку подсудимый вину в содеянном не признает, предлагаю сразу начать с допроса свидетелей, потом исследовать другие доказательства и только после этого допросить самого подсудимого. Может быть, услышав показания других людей, он все же вспомнит и во всем признается.

После прокурора встал адвокат Лисицын и сказал:

– Против порядка, предложенного гособвинителем, я не возражаю.

– Это ваше общее мнение? – грозно спросила судья.

Я в недоумении посмотрел на адвоката и, понадеявшись на его опыт, ответил:

– Да, общее.

– На вопросы суда нужно отвечать стоя, – все также грозно сказала судья и добавила: – Рабочий день окончен, продолжим завтра.

Смертельно уставший, я вышел из здания суда и на крыльце остановился.

Туман, висевший с утра, поднялся в небо, и моему взору предстала покрытая инеем, словно белой шапкой, верхушка возвышавшейся над поселком горы. Теперь она была похожа на умудренного опытом старика-великана.

Надо же, как все обернулось!

Еще утром я был уверен, что сегодня вечером поеду домой, а вышло все совсем иначе.

Хотя, чего это я радуюсь?

Дело, в которое я ввязался, наверняка провальное в том плане, что Сергея Крылатого все равно осудят. Все доказательства, как правильно сказал адвокат Лисицын, против него, и в данном случае то обстоятельство, что Крылатый совсем ничего не помнит, нисколько не поможет.

Впрочем, этот его провал в памяти может быть всего лишь способом защиты или реакцией психики на совершенное преступление. Я читал в одном научном журнале, что у убийц иногда такое бывает.

– Эй, господин хороший, у вас рубля не найдется? – окликнула меня и вернула из размышлений в реальный мир какая-то неопрятного вида дама в кокетливой шляпке с искусственными незабудками на полях.

Я порылся в кармане, не раздумывая, вытащил горсть мелочи и протянул ей.

Дама подошла и обветренными грязными пальцами с облупленным на ногтях лаком медленно собрала с моей руки деньги.

– Благодарствуйте, – сказала она, после чего отошла в сторону, села на каменный приступок памятника и стала считать деньги, беззвучно шевеля губами.

– Это ваше первое дело? – спросил адвокат Лисицын, выходя на крыльцо.

Я кивнул головой.

– Значит, с первым боевым крещением вас, – сказал он.

– Спасибо, но, честно говоря, не так я себе представлял свой первый процесс. Я думал, что он должен быть каким-то особенным, запоминающимся и обязательно выигрышным.

– Что же делать?! – сказал Лисицын. – Уж поверьте мне – таких дел у вас будет еще ой как много. Быть адвокатом жуткая рутина.

– И еще страшная нервотрепка, – сказал я.

– Суд – это всегда чья-то трагедия, горькие слезы, головная боль, – сказал Лисицын. – Так что привыкайте. Это не последнее ваше судебное заседание, если, конечно, вы всерьез решили стать адвокатом. Только в кино да в книгах у нашего брата все легко получается. Как

говорится, пришел, увидел, защитил. На самом деле все совсем иначе. Шишек много еще себе набьете, пока научитесь дела выигрывать.

– А, может быть, я везучий, – сообщил я. – Может быть, я все дела буду выигрывать.

– Поживем, увидим, – равнодушно сказал адвокат.

Лисицын помолчал, пожевал губа и, прищурившись и глядя куда-то вдаль, сообщил:

– В общем, есть в этом деле кое-какие косячки и зацепочки.

– Что вы имеете в виду? – спросил я.

– Доказательства, – многозначительно сообщил адвокат, подняв при этом вверх указательный палец. – Как известно, если нет доказательств, значит, нет уголовного дела.

– Подробнее, – что-то соображая, нетерпеливо сказал я.

– Свидетели, акты экспертиз, вещественные доказательства, – сказал он.

– Все нужно уничтожить? – предположил я.

– Зачем? – удивился он. – Нужно просто взять и признать их недопустимыми доказательствами.

После разговора с адвокатом я снова вернулся в суд, предварительно получив согласие судьи, попросил у секретаря для ознакомления уголовное дело, прочитал сей юридический труд и пришел к печальному выводу – единственное, что можно сделать, это попытаться уменьшить срок наказания.

Выйдя из здания суда, я снова увидел даму в шляпке с незабудками. Она все так же сидела на том же самом месте у памятника Ленину и задумчиво курила «Беломорканал». Я несколько удивился, так как почему-то считал, что такой марки папирос уже давно не существует.

– Голова болит, – сообщила дама, увидев меня. – Погода, наверное, сменится.

– Хоть бы немного разъяснило, а то все туман, да туман, – сказал я.

– Снег будет, – уверенно сказала дама, после чего стряхнула пепел, прищурилась и спросила:

– Любопытствуете или по службе в суде?

– По работе, – ответил я.

– Понятно, – сказала дама. – Это хорошо, что вы по работе. Я, знаете ли, никогда особо не понимала людей, которые ходят на судебные заседания из любопытства. Они мне всегда напоминают куриц. Знаете, когда одной курице отрубают голову, все другие собираются рядом и самым пошлым образом наблюдают за происходящим. И опять же из любопытства могут поклевать требуху или еще что-нибудь, что осталось после разделки.

Дама пристально посмотрела на меня и тут же попыталась изобразить курицу, которая наблюдает за казнью своей товарки, смешно заворачивая при этом голову и моргая одним глазом.

Надо сказать, изобразить курицу ей вполне удалось, но дама решила на этом не останавливаться и для пущей убедительности даже покудахтала, подпрыгнула на места и замахала руками, как крыльями, после чего засмеялась трескучим смехом.

В общем, тетка оказалась очень даже веселой.

В смятении и безысходной печали я пошел на телеграф и по межгороду связался с руководителем своей стажировки.

– Юрий Николаевич! Представьте себе такую ситуацию: человека обвиняют в совершении убийства, а он говорит, что не помнит, как убивал свою жертву, потому что был изрядно пьян.

– Это плохо, – сказал он. – В российском уголовном праве совершение преступления в состоянии алкогольного опьянения всегда рассматривалось как отягчающее вину обстоятельство. Я говорю не только про юридический аспект проблемы, но и про бытовой.

– А как же тогда строить линию защиты, если он ничего не помнит? – спросил я.

– Очень плохо, что ничего не помнит, – сказал руководитель стажировки. – А вину признает?

– Нет.

– Ну что ж, тогда, если логически рассуждать, нужно доказывать его полную невиновность.

Господи! Как оказывается, все просто! Нужно доказывать невиновность! Только вот как это сделать, если все доказательства против подсудимого?

– Как там твои родственники? – спросил Юрий Николаевич.

– Какие родственники? – не понял я.

– Которых ты поехал навещать.

– А, – вспомнил я и тут же соврал: – Нормально.

Разговор с руководителем стажировки нисколько не развеял моего душевного смятения.

В задумчивости я брел по тротуару какой-то тихой улочки и пинал рассыпающиеся в прах листья.

От своих печальных дум я отвлекся только тогда, когда увидел, как на дорогу из довольно-таки ухоженного коттеджа со спутниковой антенной на крыше с криком выбежала женщина. Она остановилась прямо посреди проезжей части, всплеснула руками, нервно быстро-быстро затопала ногами и тут же в исступлении бухнулась на колени, закрыв при этом лицо руками.

Я подбежал к женщине и попытался поднять ее с земли. Но та словно окаменела.

Видимо, услышав ее крик, из соседнего двора выбежали две тетки. Одна – помоложе – подбежала первой и тоже стала совершенно безуспешно пытаться поднять обезумевшую женщину с колен.

Вторая тетка – пожилая, задыхаясь, подбежала позже и, чтобы не упасть, тут же схватилась за мою руку.

– Валя! Валя! Что случилось? – тормошила сидящую на дороге молодая женщина, но та ничего не отвечала, а только выла, гладила себя рукой по волосам и, словно метроном, раскачивалась из стороны в сторону.

– Валя, да что случилось-то? – повиснув на моей руке и борясь с одышкой, спросила пожилая.

– Собрал… – наконец-то ответила Валя.

– Валя, что собрал-то? Что?

– Вещи он свои собрал и убёг, – с трудом ответила Валентина и показала на раскрытую дверь дома. – Да и правильно сделал! Зачем я ему гадина такая отвратительная нужна?!

Висящая на моей руке тетка с нескрываемым любопытством уставилась в указанном направлении и, сделав несколько шагов, потянула меня за собой.

Мы зашли в раскрытую калитку и поднялись на крыльцо.

Я осмотрел дверь и сделал вывод, что она взломана. Тут же на ступеньке валялся и металлический прут, которым, судя по всему, взломали дверь.

Тетка, для которой я служил чем-то вроде опоры, так же внимательно все изучила и потянула меня в дом.

В доме царил полный кавардак.

Вещи в прихожей были сорваны с вешалки, дверцы шкафов в комнате раскрыты, а ящики вытряхнуты на пол. Погром не коснулся только разве что кухни.

Надо сказать, хозяева жили очень даже неплохо. В одной из комнат коттеджа на самом видном месте красовался огромный современный телевизор в окружении звуковых колонок. Висевшая на моей руке тетка очень внимательно и даже немного завистливо осмотрела это чудо техники, особо остановилась взглядом на груде меховых вещей возле одного из шкафов

стенки и после этого подняла с пола пустую шкатулку. Одна из дверок шкафа была также взломана, и, судя по всему, шкатулка была вынута именно оттуда.

После этого тетка ойкнула и потянула меня на улицу:

– Валя, никто никуда не сбежал. Это тебя ограбили, – прямо с крыльца принялась она кричать, с трудом осиливая одышку.

Услышав это, женщина немного пришла в себя и стала вытирать слезы, однако подняться с земли все еще не торопилась.

Вскоре на синем джипе японского производства примчался какой-то вспотевший парень. Он выскочил из машины, мгновенно оценил ситуацию, забежал в дом и, вернувшись, принялся поднимать сидевшую на дороге женщину, которая с его приходом странным образом успокоилась, посветлела и даже заулыбалась.

– А я думала, ты вещи свои собрал и убёг, – со счастливым видом сказала она.

– Дура! – грубо оборвал он ее. – Вставай! Надо идти смотреть, что украли, и милицию вызывать.

Во всей этой ситуации мне бросилось в глаза то, что парень был намного моложе женщины и даже, наверное, годился ей в сыновья, но отношения между ними были совсем не как у сына и матери.

Когда парень и женщина ушли в дом, пожилая тетка выпустила мою руку и схватилась за забор.

– Валя-Валентина. Совсем ты от своей любви с ума сошла, – неодобрительно покачав головой, сказала молодая тетка.

– Муж у нее некоторое время назад помер, – внимательно посмотрев на меня, сообщила пожилая. – Любил ее страшно, хотя по возрасту скорее в отцы годился. Прямо как у них теперь, только наоборот, – тетка кивнула головой в сторону взломанной двери. – Можно сказать, на руках носил.

– Там ситуация-то очень нехорошая была, – сообщила молодая. – Первый ее муж Дымов Александр Константинович в школе работал учителем. Там он и приглядел Валентину-то. И как только она школу закончила, сразу же женился на ней. Его за это потом даже из учительства выгнали. Работать ни в какую не дали. А он и рад был. Занялся предпринимательством, магазин открыл. Это лет десять тому назад было.

– А, стало быть, три года назад удар у него случился, – продолжила пожилая. – В больницу без сознания его увезли. Валентина сначала у его кровати двое суток не отходя сидела, вся извелась, а потом врачиха сказала ей домой идти, все равно, мол, мужик не жилец. А как раз в эту ночь, когда Валентина домой ушла, мужик ейный в себя-то и пришел. Очнулся, значит, и медсестру попросил жену позвать. Ну, медсестра, бросилась звонить Валентине, и надо же такому случиться – пока она в больницу спешила, муж-то взял и помер. В общем, Валя даже и проститься с ним по-человечески не могла. Такое вот несчастье пережила. А после того, как она мужа схоронила, с Кириллом сошлась и прямо как помешанная от любви к нему сделалася.

– А чего ей не влюбляться-то! – сказала молодая. – После смерти мужа к ней дом, магазин и счет в банке с кругленькой суммой отошел. Деньгами по полной программе теперь обеспечена. Конечно, не миллиарды у нее, но для нашего поселка она человек очень даже обеспеченный. Ей, как нам, лямку с утра до вечера тянуть не приходится. Уж, поди, не думает, чем семью кормить, да чем за свет платить. Влюбляйся в кого хочешь теперь…

В этот момент Валентина вышла из дома, стремительно дошла до калитки, шумно закрыла ее и заперла изнутри.

– Все! Концерт окончен, – зло сказала она и направилась к дому.

– Валя, да что у вас украли-то? – стала допытываться у нее пожилая тетка.

Валентина не ответила, а только в сердцах махнула рукой, расходитесь, мол, не ваше дело.

– Милицию-то вызвали? – спросила молодая, но Валентина ничего не ответила, ушла в дом, при этом громко хлопнув взломанной дверью.

Милая сельская сценка закончилась, и зрители стали расходиться.

Я прошелся по вечерним улицам, заглянул на небольшой, освещенный уличными фонарями стихийный рынок и от нечего делать у какой-то девушки поинтересовался ценами на осеннюю ягоду.

– Триста рублей ведро, – сообщила девушка.

До моего появления продавщица ягоды мило беседовала со своей подругой, и теперь обе замолчали и уставились на меня. Внимательно изучив мои зауженные брюки и остроносые, по нынешней моде, ботинки, они продолжили разговор.

– Танька, пойми: Лебеданск – это дыра, – заявила подруга продавщицы. – Это же просто тоска смертная прожить здесь всю жизнь.

– Да я то понимаю, – сказала продавщица. – В городе завсегда больше возможностей. Но вот, к примеру, кому я там нужна с моим средним образованием, тройками в аттестате и лебеданской пропиской?! Да и у тебя, насколько я знаю, жилья в городе нет. Но тебе в любом случае нужно уезжать отсюда и поступать в институт.

– Да кто ж в октябре поступает?

– Так ты чё, прямо сейчас, что ли, собралась уезжать?

– А что тянуть? Время идет. Главное ведь, вырваться отсюда. Уеду и ни за что сюда больше не вернусь.

– Правильно, – вяло поддержала подругу продавщица. – Я бы на твоем месте так и сделала. Я вообще не понимаю, почему ты раньше не уехала.

– А как ты себе это представляешь? Купила билет, села в поезд и уехала, да?! А жить где? И не забывай, что, кроме этого, еще нужно на какие-то средства питаться. Да и одеться по моде хочется, – печально возразила подружка. – Впрочем, кое-какие наметки у меня имеются, но говорить об этом я пока не буду.

Девушки некоторое время молчали, потом продавщица спросила:

– А что твой отец?

– Как будто ты моего отца не знаешь! – воскликнула ее подружка.

– Да знаю, – сочувствующе сказала продавщица, бросила горсть ягод в рот, и скривившись, сказала: – Он, поди, даже на косметику денег не даст, не то что на учебу в городе.

– Да нет, – возразила подружка. – Он, конечно, покупает мне все, что захочу, но если узнает, что я решила уехать, сразу же посадит меня под замок.

Она помолчала и сообщила:

– В принципе его понять можно. У него кроме меня, после смерти матери никого больше нет, но ведь и я свою жизнь гробить в этой дыре не желаю.

Девушки снова замолчали, потом продавщица ягоды заявила:

– Знаю почему ты так в город рвешься! Из-за Завадского.

– Дура ты. Нужен мне Завадский, как пятое колесо.

Она поправила прядку волос и спросила:

– Не веришь?

– Да мне, по большому счету, все равно, – немного раздраженно сказала продавщица, после чего, сверкнув на меня злыми глазками, достаточно громко спросила: – Мужчина! Вы ягоду брать будете?

Я немного обиделся на нее, за то, что она назвала меня мужчиной, хотя по возрасту ведь явно же был очень даже молод и она могла обратиться ко мне: «молодой человек», после чего от покупки ягоды гордо отказался и ушел.

В гостинице я согрелся горячим чаем, любезно предложенным мне дежурной, потом вытащил из сумки и приготовил на завтра колючий свитер (а то намерзся сегодня за день уже просто до ужаса) после этого залез под одеяло.

Глава третья, день третий

На третий день моего пребывания в Лебеданске и второй день судебного разбирательства в уголовном деле допрашивали свидетелей.

Нужно сразу сказать, что когда я утром пришел к зданию суда, то снова встретился с веселой дамочкой в шляпке с незабудками, которая так весело вчера изображала курицу.

Сегодня мадам снова сидела у подножия памятника и была просто отвратительно пьяна.

– Дорогуля, займите слегка подвыпившей антеллихентке немного денег, – заплетающимся языком сказала она, увидев меня. – Завтра у меня непременно голова будет болеть, а я это состояние просто не переношу.

Я сделал вид, что не замечаю ее, взбежал на крыльцо суда, и тетка тут же потеряла меня из виду. Дама подперла одной рукой голову, ладонью другой вытерла рот и пригорюнилась. Судя по выражению ее лица, задумалась она явно о чем-то очень серьезном и неутешительном.

Первой в зал судебного заседания зашла девушка, в которой я сразу же узнал вчерашнюю подружку продавщицы ягод.

– Свидетель, сообщите суду ваши фамилию, имя, отчество и место жительства, – приказала судья.

– Водорезова Оксана Владимировна. Живу в Лебеданске на улице Заречной, дом три, – ответила девушка.

Так вот из-за кого, по мнению Светланы, Сергей совершил убийство!

– Вас допросят в качестве свидетеля, – сообщила Водорезовой судья. – Предупреждаем вас об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний, а также за дачу заведомо ложных показаний. Подсудимого знаете?

Девушка поправила прическу, оглянулась на подсудимого и ответила:

– Да, знаю. Это Сергей Крылатый.

– В каких отношениях с ним состоите? – задала новый вопрос судья.

Девушка как-то мельком и при этом немного испуганно снова оглянулась на клетку и робко ответила:

– Я в отношениях с ним не состою. Вернее, мы с ним дружили… Или правильнее будет сказать: он за мной ухаживал, но это было совсем недолго.

Сергей Крылатый в клетке недовольно хмыкнул, скрестил руки на груди и отвернулся.

– Значит, отношения дружеские? – спросила судья.

– Ну, можно и так сказать, – ответила Водорезова.

– Расскажите суду все, что вам известно, – предложила судья.

– Рассказать то, что я следователю говорила? – спросила Водорезова. –Ну, в тот день девятого мая, мы ходили на массовые гуляния по случаю Дня Победы и потом собрались идти на дискотеку.

– Кто это – мы? – недовольно спросила судья.

– Мы – это я, Сергей Крылатый, Андрей Емельянов и Лиза Михнюк. Парни в тот день выпивали и перед дискотекой решили еще догнаться, то есть спиртного где-нибудь раздобыть. Денег у нас не было. Вернее, сначала были, но мы их до вечера истратили. Тогда Андрей Емельянов предложил сходить к бабе Гале и взять у нее в долг самогонку. Андрей сказал, что идти должен именно Сергей, потому что баба Галя его знает, он ей как-то дрова колол и еще в чем-то по хозяйству помогал.

Водорезова снова поправила прядку волос, что-то вспоминая, и продолжила:

– В общем, Сережка поднялся на крыльцо и постучал, а мы остались за калиткой. Когда баба Галя открыла дверь, Сережка у нее стал просить в долг самогонки, а она сказала, что

продает только за деньги. Тогда Сережка напомнил ей, что помогал дрова колоть, а она его взяла и обматерила.

– Что именно она сказала Крылатому? – спросил прокурор.

– Ну, сказала, что он помогал ей от доброй души, а самогонку она продает только за деньги. И еще сказала, что сейчас деньги ценятся больше всего другого.

Прокурор поправил свои затемненные очки, ухмыльнулся и произнес:

– Я хотел спросить, как именно Мишина оскорбила Крылатого?

Водорезова замешкалась и вопросительно уставилась на судью.

– Сторона обвинения желает узнать, насколько слова Мишиной показались оскорбительными для Крылатого. Правильно я вас поняла?

Прокурор кивнул головой, а свидетельница снова вопросительно посмотрела на судью.

– Вам вопрос не понятен? – спросила судья. – Ответьте, Мишина выражалась нецензурно?

Водорезова кивнула.

– Ну и… – напомнила о себе судья.

– Я не могу это повторить, – покраснев, ответила Водорезова.

– Ладно, что было дальше? – хмуро спросила судья.

– Дальше, мы пошли по улице. Сережка был очень злой, молчал. Потом, когда мы дошли почти до поворота, он взял и побежал обратно к дому бабы Гали и минут через пять-семь вернулся с бутылкой самогонки. Вои и все.

– Вы спрашивали у Крылатого, где он взял спиртное? – спросил прокурор.

– Нет. Я и так все поняла, – ответила Водорезова.

– Поняли, что Крылатый совершил убийство? – ехидно усмехнулся прокурор.

– Нет, что вы, – испугалась свидетельница. – В тот момент я подумала, что Сережка все-таки выпросил у бабы Гали самогонку в долг.

– Кровь на бутылке, руках и одежде Крылатого видели? Спрашивали, откуда она? – поправив на переносице очки, спросил прокурор.

– Нет. Я не спрашивала, – испуганно ответила свидетельница.

– А видели хоть эту самую кровь-то? – вмешался в допрос адвокат Лисицын.

– Так! Попрошу не нарушать регламент судебного заседания, – строго перебила его судья. – Сейчас очередь прокурора задавать вопросы.

– Извиняюсь, – еле слышно пробурчал адвокат.

– Я видела пятно на рубашке Сергея и даже спросила его об этом, но он ничего не ответил. Тогда я решила, что он порезался, и не придала этому факту никакого значения, потому что Сергей был сильно выпивший.

– Подсудимый, какая у вас группа крови? – спросила судья.

– Первая положительная, – без особого настроения ответил Крылатый.

– А у пенсионерки Мишиной, по заключению эксперта, кровь была четвертой группы, – заметил прокурор. – Следует также отметить, что по заключению экспертизы на рубашке Крылатого обнаружено пятно крови именно четвертой группы. Кровь Мишиной! – весомо добавил он.

– Подсудимый, откуда на вашей одежде могло взяться это пятно? – спросила судья.

Крылатый встал, подумал маленько и пожал плечами.

– Еще вопросы будут? – спросила судья у всех участников процесса.

Прокурор и адвокат сообщили, что вопросов больше не имеют.

– Свидетель, вы свободны. Можете идти, – сказала судья. – Пригласите следующего.

Следующим был рыжий парень примерно одного с подсудимым возраста. Он сообщил свой адрес и назвался Емельяновым Андреем Анатольевичем.

– Расскажите суду все, что вам известно по данному делу, – предложила судья.

– Ну, что? – почесал голову свидетель. – Мы, короче, на дискотеку в тот день собрались идти и решили выпивки где-нибудь надыбать. Вот и пошли к бабе Гале Мишиной. Она самогон варит и людям продает.

– Кто предложил пойти к Мишиной? – спросил прокурор.

Емельянов снова почесал в затылке и сообщил:

– А хрен его знает.

– Свидетель, как вы себя ведете? – возмутилась судья.

– Я хотел только сказать, что не помню, кто предложил это первым, – оправдался Емельянов. – В тот вечер я выпивший был. Конечно, не такой синий как Серега, чтобы совсем уж ничего не помнить, но все-таки.

– Итак, вы пошли к Мишиной. Что было дальше? – спросила судья.

– Я к Мишиной не ходил, – испуганно ответил Емельянов. – Я этого не говорил. Это Серега к ней ходил.

– Хорошо. Зачем Крылатый ходил к Мишиной? – обмахиваясь, словно веером, листом бумаги, спросила судья.

– Как зачем? – опешил свидетель. – Так за самогонкой же. Господин судья, вы что меня не слушаете? Зачем тогда вызывали?

– Свидетель, как вы себя ведете? Делаю вам замечание, – повысив голос, сказала судья. – Рассказывайте, что было дальше?

– Ну, Серега вошел в ограду, поднялся на крыльцо и постучал, а мы за калиткой остались. Потом из дома вышла баба Галя, и Серега сказал ей, что просит взаймы бутылку самогонки. А она его послала подальше.

– Что именно Крылатому сказала Мишина? – спросил прокурор.

В зале судебного заседания из уст свидетеля прозвучали ненормативные выражения. Судя по всему, Емельянов запомнил слова, сказанные пенсионеркой Мишиной дословно.

– Свидетель! Я сейчас удалю вас из зала судебного заседания, – возмущенно приподнялась со своего места судья.

– А чё? Я же как было говорю, – сказал Емельянов. – Правду и ничего, кроме правды.

– Что было дальше? – оборвала его судья.

– Потом мы ушли, прошли до конца улицы, и тут Серега, ничего никому не сказав, побежал обратно к дому Мишиной. Я сначала подумал, что он на крыльце что-то забыл, а потом смотрю, он обратно уже с бутылкой самогонки бежит.

– А почему вы пошли на народные гуляния и не взяли с собой денег? – спросил прокурор.

– Так мы взяли, только быстро истратили все, – ответил свидетель. – Да вы, наверное, и сами знаете, как это бывает, когда компанией гуляешь.

– Не знаю, – гордо ответил прокурор и, сверкнув стеклами очков, надменно посмотрел на присутствующих в зале, сразу же после чего по залу прокатился недоверчивый какой-то смешок и шепоток.

– Еще вопросы к свидетелю будут? – спросила судья.

Я посмотрел на адвоката. Лисицын отрицательно покачал головой.

– У меня будут вопросы, – сообщил я.

– Пожалуйста, – сказала судья.

– Скажите, перед тем, как подсудимый вернулся к дому пенсионерки Мишиной, Оксана Водорезова что-нибудь ему говорила?

Емельянов задумался, а потом отрицательно помотал головой.

– Значит, не помните? – констатировал прокурор. – Матерные слова Мишиной помните дословно, а то, что говорила Водорезова Крылатому, не помните. Как это понимать? – прокурор пристально посмотрел на Емельянова и спросил: – Свидетель, вы наркотики употребляете?

– А п-п-почему вы спрашиваете? – ни с того ни с сего принявшись заикаться, спросил свидетель.

– Отвечайте на поставленный вопрос, – потребовал прокурор.

– З-з-завязал, – заикаясь ответил свидетель.

– А что употребляли? – спросил прокурор.

– Г-г-героин, – ответил свидетель.

– И вы хотите сказать, что от героиновой зависимости можно легко избавиться? – вмешался адвокат Лисицын.

Свидетель промолчал.

– К уголовной ответственности когда-нибудь привлекались? – грозно спросил прокурор.

– Д-д-да, – ответил Емельянов.

– За что? – спросил прокурор.

– З-з-за наркотики и п-п-привлекался.

– Точнее, за сбыт наркотиков, – поправил прокурор. – Я помню обвинительное заключение в отношении вас почти дословно.

– Д-д-да. Было д-д-дело, – сказал свидетель. – Продал одну дозу приятелю и попал под статью. Мне тогда деньги очень нужны были.

– Для чего вам нужны были деньги? – спросил прокурор.

– Господин судья, а можно я не буду отвечать на этот вопрос? – умоляюще спросил свидетель судью.

– Я не господин, – бросила судья. – Отвечайте на поставленный гособвинителем вопрос.

Емельянов промолчал. Разглядывая свои стоптанные ботинки, а потом возмутился:

– Да ч-ч-что вам всем от м-м-меня нужно? Да что вы в-в-все до меня дое…

– Емельянов! – истерично оборвала его судья. – Я в последний раз предупреждаю вас о недопустимости такого поведения в суде. Еще вопросы будут? – спросила она у прокурора и адвоката. – Нет?! Свидетель, можете быть свободны.

Емельянов направился было к двери, но потом остановился и спросил:

– Господин судья, а сколько ему дадут? – и мотнул головой в сторону клетки с подсудимым.

– Я не господин, а сколько я ему дам – узнаете после оглашения приговора, – просто-таки взвизгнула судья и тут же обратилась к одному из охранников: – Уведите свидетеля.

– Держись, братан, – крикнул Емельянов Крылатому и с помощью конвоира покинул помещение.

Следующим свидетелем снова была девушка. Она сняла с головы наушники плеера, вынула изо рта жевательную резинку и назвалась Михнюк Елизаветой Николаевной.

Свидетельница рассказала, что девятого мая вместе с Крылатым, Водорезовой и Емельяновым ходила к дому пенсионерки Мишиной и слышала, как та нецензурно ругалась на подсудимого. Она также сообщила, что видела, как Крылатый убежал к дому Мишиной, а потом вернулся с бутылкой самогона.

– Вопросы к свидетелю будут? – спросила судья.

– Будут, – уверенно сказал я.

– Пожалуйста.

– Скажите, когда пенсионерка Мишина отказала подсудимому дать взаймы самогон, ваша подруга Оксана Водорезова что-нибудь говорила Крылатому?

– В каком смысле? – не поняла свидетельница.

– Ну, может быть, она его унижала, говорила, что он ни на что не способен?

– Точно. Так все и было, – ответила девушка. – Оксанка вообще всегда с ним в насмешливом тоне общалась, а он за это на нее всегда обижался.

– А что именно она говорила? – почувствовав, что нащупал какую-то ниточку, спросил я.

– Да я уже и не помню. Но что-то вроде того, что Крылатый бесхарактерный слабак, который даже бутылку самогона в долг взять не может.

– И сразу же после этого Крылатый пошел и зарезал пенсионерку Мишину, – вмешался прокурор и победоносно посмотрел на меня.

Я сел на свое место и сделал вид, что не заметил его усмешки.

– Скажите, Водорезова употребляла спиртные напитки? – спросила судья.

– Нет, что вы! – ответила свидетельница. – Оксанка водку не пьет. Она вообще очень правильная.

– Тогда зачем ей нужен был самогон? – спросила судья.

– Самогонка ей была не нужна. Я же говорю, это она Крылатого так подкалывала.

– Свидетель, скажите, а что вас и Водорезову связывало с Крылатым и Емельяновым? – спросил прокурор. – Один напивается до потери пульса, другой наркотики употребляет. Хорошая компания! Один сейчас на скамье подсудимых находится, другой просто каким-то чудом в колонию не попал, а отделался условным сроком.

– Они хорошие, – тихо сказала свидетельница. – Просто Крылатый водку пить не умеет, а Дрына наркотики по глупости один раз попробовал и втянулся. Да он уже завязал. Он мне сам это говорил. Да и с кем тут еще дружить-то? – развела она руками. – Все более и менее приличные уже давно в город переехали.

– Кто такой Дрына? – спросила судья.

– Дрына – это Андрей Емельянов. Его еще в школе так прозвали.

– Спасибо. Можете быть свободны, – сказала судья.

К моему великому удивлению, следующим свидетелем оказалась Дымова Валентина Петровна – та самая Валя-Валентина, которую я видел накануне вечером. Это именно она вчера стояла на дороге на коленях и скорбела о якобы сбежавшем от нее молодом муже.

Сегодня Валентина выглядела совершенно спокойнее и даже, задержавшись на мгновение на моей персоне взглядом и, судя по всему, сразу же узнав меня, нисколько не смутилась. Ее самообладанию можно было позавидовать.

– Свидетель, вы должны дать суду правдивые показания. Это понятно? – спросила судья.

– Понятно.

– Расскажите все, что вам известно по данному делу.

– Девятого мая этого года вечером я пришла к бабе Гале Мишиной. Она одинокая была, и я ее часто навещала. В тот вечер я хотела ее поздравить с праздником и принесла конфеты, шоколадку и еще какие-то гостинцы. Когда входила в дом, сразу же обратила внимание на то, что входная дверь открыта. Баба Галя торговала самогонкой и дверь всегда держала закрытой на засов. Потом я прошла в дом, зашла на кухню, увидела бабу Галю, лежащую на полу в луже крови, и сразу же вызвала милицию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.